

Глава 1: Имя.

Я больше не завидую детям. Честно говоря, я завидовал маленьким фабрикам по производству какашек, когда жил в трейлере по соседству с семьей старшего брата. Радость от того, что ты просто сидишь в кровати, занимаешься своими делами, а гиганты рабски следят за твоей чистотой и питанием. Им не о чем было беспокоиться.

Да, нет. Больше нет. Хотя я сомневаюсь, что большинство младенцев обладают сознанием взрослого человека, это мое маленькое тело ощущается как тюрьма. Мышцы болят при каждом движении тела или попытке поднять голову, а зрение просто ужасное. Эльфийская девушка и парень постоянно приближают свои лица к моему так близко, что это, мягко говоря, нервирует!

По крайней мере, когда это делает мужчина. Девушка, по крайней мере, кажется симпатичной и безобидной, а вот мужчина, похожий сейчас на заросшего чудака после того, как он отрастил волосы, мягко говоря, немного раздражает. Вероятно, у этого человека практически нет опыта общения с детьми. Особенно когда он швыряет меня по сторонам, словно я какой-то футбольный мяч.

Клянусь, если он еще раз подбросит меня в воздух, я выплесну на него всю свою рвоту.

Я понятия не имею, сколько времени прошло. Я так много спал, что трудно сказать. Меня перекладывали не меньше дюжины раз. Но даже это мало помогало сохранить рассудок. Представьте себе, что вы часами и днями напролет сидите в ловушке собственных мыслей, не имея возможности пошевелиться. Это напоминает мне ту страшную историю, которую я читал об американском солдате во время Второй мировой войны, который был в плену у японцев, и о том, как они держали его в камере много лет подряд.

Однако, если мне не изменяет память, этот человек сохранял рассудок, строя дом в своем воображении.

Я попытался повторить эту стратегию. Много часов в день я проводил в своей камере, которая была моей колыбелью, представляя все в своей голове. В прежней жизни я часто так делал. Я всегда отличался богатым воображением, и мои родители всегда удивлялись тому, как я могу развлекать себя без игрушек. Но во взрослой жизни я забросил эту привычку, особенно когда в моей жизни появилась D&D.

Интересно, есть ли в этом мире магия?

Несмотря на плохое, развивающееся зрение, за те несколько раз, что меня выносили из тюрьмы, мне удалось получить кое-какую информацию о своем местонахождении. Для начала я оказался в небольшом двухэтажном доме, расположенном, как я предполагал, в сельской местности. Несколько раз, когда меня выносили на улицу, было довольно тепло, так что, возможно, сейчас весна, поскольку я видел немного растаявшего снега. Судя по освещению внутри, здесь есть электричество. Всякий раз, когда мои "родители" входили в комнату ночью, она внезапно освещалась.

Возможно, у меня есть брат или сестра. Что-то вроде старшего брата, но только на год или два. Учитывая, что маленький мерзавец уже наслаждается опытом передвижения, мне, например, не терпится снова начать ходить. И еще кое-что, что я узнал во время медитации и самопознания в тюрьме, - нечто радикальное, к чему я не был готов.

Я больше не мужчина.

Похоже, моя реинкарнация бросила кости, и я, похоже, потерял свою мужественность. Что, несомненно, сделает вещи интересными в будущем. В прежней жизни я всегда задумывался о том, каково это - быть женщиной. Получил бы я от этого больше удовольствия или остался бы в той же ситуации, что и раньше?

Хотя от каждой девушки, с которой я разговаривал, я всегда получал разные ответы. Которые всегда менялись от хорошего к плохому. Я подумал об этом с легким вздохом.

А еще, двигая своими пухлыми ручками, я узнал, что у меня тоже есть общие черты с девушкой, которая меня родила: у меня тоже заостренные уши.

Неужели я маленький эльф? Идея была, мягко говоря, интересной.

Пока я изучал окружающее пространство с моим ограниченным зрением, прикосновения и исследования этой маленькой кроватки оказались приятным развлечением в перерывах между моими воображаемыми приключениями. Однако не все было хорошо. Для начала. Необходимость облегчиться, Боже, и как унижительно быть младенцем - неудивительно, что маленькие ублюдки плачут и рыдают, а я пытаюсь сохранить достоинство. Лежа в колыбели с собственными нечистотами, я понял, что, каким бы волевым я себя ни считал, даже я могу сломаться и закричать, чтобы мои родители позаботились обо мне.

Хотя это само по себе унижительно, меня также беспокоили мои собственные мысли. Как уже говорилось, будучи младенцем, которым я сейчас являюсь, с умом взрослого человека, я обнаружил, что лежу здесь, размышляя между порывами воображения. Размышляя о своем затруднительном положении и о том, как я оказался здесь, пока лежал в своей кроватке, я так и не пришел ни к какому выводу. В прошлой жизни я был агностиком, не зная, есть ли на свете высшие силы или нет. Теперь, скажем так, я верующий. Хотя и не в том смысле, в котором можно было бы подумать. Да, что-то там может быть, но я не думаю, что Иисус Христос решил вытащить меня из носилок и засунуть сюда.

И все же я не мог не думать о доме. О моем брате и его семье, о моих родителях или даже о старшем брате, которого я редко вижу и никогда больше не увижу. У меня с ними были не самые лучшие отношения. Не то чтобы до ненависти или чего-то подобного, но... затворничество. Я почти не обращал на них внимания. После того как я вырвался из адской дыры, которой была средняя школа, и нашел работу, способную обеспечить элементарный прожиточный минимум, у меня появилась возможность поселиться у своего среднего брата и его тогдашней девушки. Собственное жилье или его аренда в то время были неслыханным делом, а возможность уехать от моей словесно оскорбляющей матери выпадала раз в жизни, или мне так казалось.

Моя прежняя жизнь была... нормальной. Она не была ужасной, если не сказать больше; люди переживали гораздо худшее, чем я. Я был всего лишь толстым, нечесаным одиночкой с горсткой друзей в Интернете. Я держался особняком, потому что знал, что с любыми проблемами, которые у меня были, я справлюсь сам, и, кроме того, плакать по ним было не из-за чего. У меня было много проблем, связанных с волнением, и слишком часто я сталкивался с людьми, которые притворялись моими друзьями, а потом предавали меня. И что ж...

Я не должен заикливаться на этом. Что сделано, то сделано. С другой стороны, можно сказать, что я спас жизнь тому продавцу. Может быть... Хватит! Стой...

Я только вгоню себя в депрессию, а хуже всего то, что никто не любит плачущих детей. Я не

хочу беспокоить этих новых людей. Все, что я могу сейчас сделать, это сосредоточиться на задаче. А это... упражнения лежа! Мне нужно укрепить тело этого малыша. Я просто буду поднимать руки вверх! Вот так! А теперь просто поднимаем!

Сказать, что мои упражнения длились больше минуты, было бы ложью.

Прошло еще больше времени, и я смутно припоминаю, что, живя у брата и его семьи, он говорил мне, что младенцы начинают лучше видеть ближе к середине второго месяца, примерно на шестой неделе или около того. По крайней мере, у человеческих младенцев. Хотя теперь я мог ясно видеть на расстоянии примерно полутора футов от себя, например, теперь я мог видеть другой конец своей кровати, а позади и надо мной, похоже, была какая-то лампа, что подтверждало мои подозрения о существовании электричества в этом мире. Хотя свет был не таким, как дома, он был похож на светодиод - голубой. Однако при включении он работал как газ.

Это происходило не мгновенно, а постепенно, словно свет медленно изливался из него, когда мои "родители" приходили проведать меня. Кстати, о моих родителях: теперь, когда я мог видеть более отчетливо, я наконец-то смог как следует рассмотреть двух, или, точнее, трех. Первая - это та, которая, как я предполагаю, была моей матерью в этом мире. Она была совершенно потрясающей - высокая, подтянутая и фигуристая эльфийка с длинными заостренными ушами, которые торчали по меньшей мере на шесть дюймов по обе стороны ее головы. В ее коротких черных волосах виднелись синие пряди, а глаза были темно-синего оттенка, сравнимого с ночным небом. Из всех аниме и видеоигр, в которые я играл на протяжении многих лет, у меня сложилось впечатление о ней как о девчонке-сорванце.

Скажу прямо: она в моем вкусе. Я ухмылялся, когда она входила в мою комнату. Она, мягко говоря, была просто конфеткой для глаз.

Стоп! Я моргнул. Теперь это моя мать, ты, гребаный дегенерат. Вот черт, мое сознание право.

Что касается мужчины в доме, то он был не менее красив, чем женщина. Насколько я мог судить, он тоже был эльфом, хотя его уши не так сильно торчали, как у моей матери. Кроме того, у него были грязно-каштановые волосы, а щетина немного отросла с момента нашей первой встречи. Глаза у него были маленькие, заостренные и поразительно яркого зеленого оттенка, почти такого же, как цвет свежескошенной травы. Благодаря широким плечам и подтянутой талии я мог бы представить его в главной роли в каком-нибудь отечественном боевике.

Последним, но не менее важным, был мальчик, которого я всегда считала своим старшим братом. На вид ему было от двух до трех лет. Этого было достаточно, чтобы он мог ходить и вести хотя бы элементарные разговоры с нашими родителями. Милый ребенок, я полагаю. Он унаследовал лучшие качества своих родителей. Хотя он был меньше своей матери ростом, у него были длинные уши, а волосы - чрезвычайно темного каштанового оттенка, граничащего с черным. Однако больше всего выделялись его глаза. Левый глаз - голубого океанского оттенка, а правый - травянисто-зеленого. Он обладал и голубым, и зеленым цветом глаз. Я уверен, что видел это где-то в Интернете, но сейчас не могу вспомнить. Гетерохромия? Думаю, это оно и есть.

Очаровательно. Может, у меня глаза такие же?

Как бы то ни было, мальчик был очарован мной, постоянно совал свое сопливое лицо в мою

кроватьку и корчил мне глупые рожицы. Я знаю, что это иронично, но... я презираю детей. Я никогда не ладил с ними. Я никогда не был к ним внешне недоброжелателен, как будто мог терпеть их присутствие. И все же, прожив с двумя из них три года. Мой рассудок ослаб.

И все же сейчас. Я здесь. Я не смог укрыться в своей комнате, не смог заткнуть уши, чтобы защититься от плача. Я беззащитен перед этим мальчиком. Много раз он пытался взять меня на руки, и много раз я наблюдал, как два моих родителя-супермодели ругали мальчика, чтобы он положил меня на землю. Но он так и не отучился.

Хотя физически я не могу защититься от этого ребенка, я могу сделать хотя бы одну вещь. Психологическая война. Как уже говорилось, малыш любит засовывать голову в мою кровать. Он постоянно строит мне глупые, раздражающие рожицы. Иногда ему удается меня зацепить; он делает какое-нибудь глупое лицо, на что я не могу не усмехнуться. Но когда я это делаю, это только подбадривает его. Так что я смотрю. Я делаю самое честное покерное лицо и заглядываю в душу этого ребенка. Поначалу это его не пугало, и я ожидал этого. Однако время шло, дни шли. Я видел, как в нем поселилось беспокойство, и в конце концов он перестал так сильно на меня давить.

Боже, я чертов мудака.

Лучшее время дня - это время перекуса. Я еще слишком мал для нормальной еды, поэтому мама всегда усаживала меня за кухонный стол и кормила грудью, и... ну, я был бы грязным лжецом, если бы сказал, что не наслаждался видом или угощением, хотя отчасти это просто из-за того, что я дегенерат... В любом случае, если не считать этого, мне очень понравилось то, что я смог увидеть побольше дома.

Находясь так близко к маме, я смог лучше ее воспринять. Запах духов граната на ее одежде, гладкость ее кожи, не говоря уже о том, как она выглядит в целом, навели меня на мысль, что меня нянчит эльф. Подумать только, она вообще эльф! Даже сейчас, спустя почти два месяца после моего пробуждения в этом мире, я все еще пытаюсь разгадать все, что меня окружает.

Еще одна вещь, которую я понял из всего этого, - одежда, которую носят окружающие меня люди. Например, на мне обычная хлопчатобумажная пеленка, или, по крайней мере, то, что я считаю хлопком. А вот все остальные... если бы мне нужно было сравнить их с каким-то периодом времени, я бы сказал, что это начало XIX века. Мужчина, которого я вижу дома, обычно одет в джинсы с подтяжками и рубашку-поло из белой ткани. Выходя на улицу, он всегда надевает пиджак и шляпу, в то время как моя мама чередует длинные юбки, сарафаны, шорты и поло. Иногда она крадет и надевает мужскую шляпу; они часто вступают из-за нее в игривую перепалку, а потом раздеваются и... борются.

Я оставлю это на потом.

Во время моих кормлений мама иногда брала меня с собой в другие комнаты дома, где я мог узнать больше. Дом небольшой, по крайней мере, для взрослого человека. Я видел небольшую столовую, кухню и гостиную. В гостиной есть лестница, которая ведет в верхнюю часть дома. Здесь я увидел, похоже, ванную комнату с настоящим водопроводом, кабинет, в который пару раз входил и выходил мужчина, а также свою спальню. Которую я делил с мальчиком, смотревшим на меня. Рядом с нашей комнатой находится то, что, по моим предположениям, является спальней хозяев.

Место, которое я стал презирать. Потому что стены в этом доме очень тонкие. За последние

несколько недель я потерял бесчисленное количество часов сна из-за звуков, которые издавали мои родители, пытаясь зачать третьего брата или сестру.

Может, я и молод, но это не значит, что я не знаю, что, черт возьми, вы задумали!

Однако, помимо этого, мои любимые периоды кормления - это время, когда мама выносит меня на улицу. Когда я родился, был конец зимы, или я так полагал, основываясь на кусочках тающего снега, которые я видел. Я не знаю, как в этом мире устроены времена года. Даже сейчас здесь все еще довольно тепло. Может, мы приближались к эквиваленту марта? Если предположить, что я попал сюда в конце декабря или, по крайней мере, в феврале.

На улице было тепло, влажность практически отсутствовала. Небо было ярко-голубым, облаков было очень мало, и легкий ветерок обдувал землю, компенсируя теплый воздух. Мое зрение резко улучшилось - возможно, эльфийские дети развиваются в этом аспекте быстрее, чем люди, - и я уже мог видеть немного дальше. Примерно в шести футах от меня зрение становится нечетким, но я могу различить далекие пейзажи.

Однажды утром мама вынесла меня на задний двор, чтобы немного покормить. Она кормила меня грудью и заметила, что я перестал сосать. Я смотрел на один из самых великолепных пейзажей, которые только можно себе представить. Наш дом стоял на холме, на большом холме, и с этого холма я мог видеть раскинувшуюся долину с лугами и лесными деревьями. Но это были не обычные деревья, а множество разноцветных деревьев. Красные, желтые и даже розовые деревья. Все они были разбросаны среди зелени, подчеркивая ее во всем своем великолепии. Слово ожившая картина, она тянулась бесконечно далеко, пока на горизонте не появились гигантские горы, нависшие над долиной. От этого зрелища захватывало дух.

Мама что-то сказала мне, и я почувствовал, как она заправила грудь обратно в рубашку и застегнула ее, подняла меня и осторожно посадила на свое бедро. Она говорила со мной тихо, ее голос был нежным и теплым, от чего по мне пробежали мурашки. Она нежно погладила небольшие клочки волос, которые росли у меня на голове. Я все еще не понимал, что она говорит, но все же что-то уловил. Слово, которое она произносила, только глядя на меня.

По-английски оно звучало как "Roona". Возможно, это было мое имя? Как будто услышав это слово, я приложил все силы, чтобы поднять глаза на женщину, и ее теплая улыбка стала еще шире, она захихикала, а потом сказала что-то веселое и потрепала меня по носу, отчего я засмеялся.

Прошел примерно год с тех пор, как я впервые очнулся в этом мире, и мои ежедневные тренировки, когда я пытался поднять голову, перекатывался на живот и катался, похоже, принесли свои плоды. На данный момент я овладела искусством ползания. Мое зрение полностью адаптировалось к этому новому маленькому телу, и теперь я могу ясно видеть! Невероятно, но мое давнишнее предсказание о XIX веке оказалось на редкость точным. В целом дом был в довольно хорошем состоянии, особенно кухня, большой водонагреватель в подвале и освещение. Я словно перенесся в 1800-е годы, но с фантастическим уклоном. К сожалению, в этом мире, скорее всего, не было ни интернета, ни видеоигр.

С моей вновь обретенной подвижностью мама и папа практически отпустили меня на волю, лишь бы я держался подальше от передней или задней двери, так как они боялись, что я выйду на улицу. Мне также было запрещено залезать во многие кладовки и шкафы. Хотя это не останавливало меня, когда они не смотрели, моими главными препятствиями были двери и

лестницы. Я не могу дотянуться до дверных ручек, потому что слишком мал ростом, и не могу пользоваться лестницами, потому что мои ноги слишком слабы, чтобы подниматься по ним.

Я уверен, что смогу легко освоить ходьбу, нужно только потренироваться, и как же я ненавижу тренировки для ног. Очень сильно. Раз уж они обязательно должны быть, это будет отстой. Но меня это не останавливает. Однажды утром, когда моя семья была в столовой, папа читал какую-то газету, потягивая кофе. Он выглядел нелепо с напряженным выражением лица. В последнее время он принял новый облик. Когда я впервые увидел его, он был чисто выбрит, но со временем у него появились борода и усы. Сейчас он снова чисто выбрит, если не считать усов, которые выросли на верхней губе. Так вот, его внимание было приковано к этой газете, пока мама готовила завтрак и разносила его всем, а мой брат, сидя в своем кресле, стучал серебряными приборами по столу.

А я, маленький скороход, как я стал себя называть, находился в их маленькой игровой зоне. Они отгородили небольшой уголок столовой, где разложили все эти плюшевые игрушки и пару блоков, чтобы я мог играть с ними. Некоторые из этих игрушек были довольно изящными! Я не знаю, как это работает, но на блоках есть такие символы. Я не знаю, цифры это или нет, но если провести по ним пальцем, они излучают разноцветное свечение, которое довольно завораживает. Что-то сродни магии, хотя я никогда не задумывался над этой идеей и не видел доказательств того, что магия существует. Я не видел, как дракон пролетает над головой или как Гэндальф произносит заклинание. Воистину, я не встретил ни одного человеческого существа. Хм...

Но это неважно; какими бы крутыми ни были эти маленькие магические блоки, мне было весело с ними, и, честно говоря, я пытаюсь ускорить свой путь через младенчество. Поэтому в последние несколько недель я сосредоточился на том, чтобы стоять. Видите ли, в маленькой игровой зоне, о которой я упоминал, есть детские ворота - небольшие деревянные ворота высотой около двух футов, намного выше меня, но идеально подходят для того, чтобы балансировать на них. Пока родители готовили стол, я знал, что у меня есть пара минут до того, как мама придет и вытащит меня из игрового манежа, чтобы усадить вместе со всеми за стол. Так что сейчас было самое время действовать.

До сих пор все попытки встать заканчивались болью в детских ножках и тем, что я падала на попу. Но сегодня настал тот самый день. Если на этот раз я не смогу взять себя в руки, мне придется плакать как ребенок. Поэтому я положил на пол своего плюшевого зайчика и светящийся блок и пополз к воротам.

Я приземлился на живот и стал отжиматься, а затем с помощью своих крошечных ручек поднялся с земли на колени. Я уже чувствовал, как напряглись мышцы моих маленьких ножек, когда я потянулся и схватился за прутья ворот. С большим усилием я уперся ногами, подтянулся вверх, и да!

Да, у меня получилось! Я стою! Я вскрикнул от восторга, привлекая внимание папы; он поднял глаза от газеты как раз в тот момент, когда мое тело сдало от волнения, и я упал назад, ударившись головой об пол.

– Руна! – Мое зрение было размыто и затуманено, но я услышала крик мамы, когда она и папа бросились ко мне. Я слышала, как они спорили, пока мама входила в загон и опускалась на колени, чтобы поднять меня.

Ой, как больно... подумал я про себя, кажется, я поднялся слишком быстро, и моя толстая голова отправила меня в полет. Я почувствовал, как мама прикоснулась к моему затылку, и

вздрыгнул. Ее голос снова повторил мое имя с нотками тревоги.

Папа выразил свое недовольство и сделал жест в сторону стола и своей газеты. В ответ мама, похоже, стала отнекиваться, заставив его отступить и вздохнуть.

Думаю, его ругают за то, что он не уследил за мной, бедняга. Я тихонько вздохнул. Честно говоря, это не так уж и больно. Подождите, дети плачут, когда им больно? Может, она беспокоится, что я не плачу?

Мама торопливо отнесла меня на кухню, где аккуратно посадила на стол. Она достала сухую ткань и намочила ее под краном, прежде чем положить мне на голову. Она была ледяной и холодной. Я еще раз вздрогнул и задохнулся. Краем глаза я увидел, как она отдернула ткань, и увидел то, что было похоже на кровь.

Вот дерьмо! Я смотрел, как она поласкает испачканную кровью ткань, широко раскрыв глаза. Падение было не таким уж и страшным! Повернувшись к ящику со льдом, мама произнесла какое-то слово и жестом приказала мне оставаться на месте. Над ним на стене висел чемоданчик с красным змееподобным символом. Как только она достала и снова открыла его, я понял, что это, по сути, аптечка. Но предметы, которые она извлекла, не были ни бинтами, ни лекарствами. Это был свернутый кусок пергамента. Свиток.

Она подошла ко мне, и мое внимание привлек звук произнесенного имени. Она тепло улыбнулась и снова подняла руку, предлагая мне оставаться на месте. Затем она сломала печать на свитке и развернула его. Она развернула его и начала читать, и я понял, что в этот момент происходит что-то важное.

От ее рук исходила тусклая зеленая аура, освещение в комнате померкло, а свиток в ее руках начал мерцать. Земляной запах пропитал комнату, когда мама одной рукой выпустила свиток и положила его мне на затылок, отчего из ауры стали исходить частицы зеленой энергии.

– Хель'Нора, – завершая песнопение, из ее руки исходил прилив тепла и проникал в ссадину на моей голове. Боль в моем сознании внезапно исчезла, и через несколько секунд я вернулся в прежнее состояние, не заметив никаких изменений. Это произошло как раз в тот момент, когда свиток мамы начал распадаться на фрагменты, похожие на пыль, а затем развеялся.

Когда пыль, наконец, осела, мама стояла передо мной на коленях и ухмылялась.

– Руна? – Она произнесла это любопытным тоном, склонив голову набок. Я заставил себя выйти из ступора и улыбнулся ей, а затем, преувеличенно мило подбодрил ее и счастливо рассмеялся, когда она подхватила меня на руки и понесла завтракать. При этом я не мог не оглянуться на стол, пока цеплялся за ее плечо, а она несла меня.

Значит, в этом мире все-таки есть магия. Я думал об этом и продолжал думать до конца дня.

<http://tl.rulate.ru/book/103300/3588935>